

Стоило лекарю договорить, как все присутствующие, за исключением Тан Цзю, оцепенели.

— Без яда? — растерянно переспросил Янь Юйсюань. — Обычный отвар?

— Именно так, Ваше Величество, — подтвердил лекарь Ху.

— Но от него так сильно разит тиной! — поспешно, не веря собственным ушам, воскликнул Шэнь Кэ. — Он совсем не похож на тот, что я пил вчера!

— Тот запах, что почудился Благородному супругу, — это землистый аромат женьшеня, — почтительно объяснил лекарь Ху. — В отвар добавили корень тысячелетнего горного женьшеня. Это редчайшее сокровище и ценнейшее целебное средство, оттого и вкус получился столь резким.

В голове Шэнь Кэ прояснилось, оставив лишь звенящую пустоту: до него наконец дошло, что он угодил в ловушку. Он резко вскинул голову, уставившись на Тан Цзю. Но тот лишь хранил прежнее ледяное спокойствие — стоял молча, плотно сомкнув губы.

Лишь Янь Юйсюань до сих пор пребывал в неведении. Понимая, что напрасно обвинил невинного, император почувствовал неловкость, смешанную с легким раздражением.

— Цзиньчжи, раз ты добавил в отвар женьшень, почему сразу не сказал об этом?

Тан Цзю наконец посмотрел на него.

— Кажется, Ваше Величество позабыл, откуда у меня это сокровище, — наконец заговорил он.

Янь Юйсюань опешил.

— В первый год вашего правления, когда Ваше Величество отправился в поход против северных племен Жун, я заслонил вас от вражеской стрелы. Тогда вы разослали людей во все концы Поднебесной и с невероятным трудом отыскиали этот тысячелетний горный женьшень. Вещь редчайшая, достойная лишь государя или вдовствующей императрицы. Но вы пренебрегли обычаями и пожаловали её мне, заявив, что никто, кроме меня, не вправе ею распоряжаться.

— Глубоко тронутый вашей милостью, я не посмел истратить столь бесценный дар и бережно хранил его все эти годы. Но вчера, узнав о недуге Благородного супруга Шэнь и рассудив, что его многолетние скитания подорвали здоровье, я велел тайно добавить целебный корень в его лекарство, дабы укрепить угасающие силы.

Он ненадолго умолк, и на губах его заиграла горькая, измученная усмешка.

— Кто же знал, что и Благородный супруг, и самолично Ваше Величество сочтут мою заботу за попытку отравления.

Янь Юйсюань застыл на месте, растерянный и пристыженный. На его лице отразилась целая буря чувств. Он неосознанно разжал объятия, выпуская Шэнь Кэ, шагнул к Тан Цзю и робко протянул руку, желая коснуться его плеча.

— Цзиньчжи, я... прости меня, я ведь...

Тан Цзю едва заметным движением уклонился от прикосновения и, даже не взглянув на государя, отвесил холодный, безупречный поклон.

— Позвольте мне удалиться.

Не дожидаясь ответа, он обошел замершего императора и стремительно покинул покои, ни разу не обернувшись.

Янь Юйсюань так и остался стоять посреди комнаты в нелепой, жалкой позе. Лишь спустя мгновение он медленно опустил протянутую руку.

Шэнь Кэ понял, что на этот раз крупно проиграл. Побледнев, он лихорадочно соображал, как спасти положение. Наконец он упал на колени и зарыдал, сокрушенно шепча.

— Я... я и подумать не мог, что всё обернётся так! Моя мнительность погубила меня, я несправедливо обвинил Императрицу Линь... Молю, накажите меня, Ваше Величество!

Янь Юйсюань со вздохом помог ему подняться.

— Твоя поспешность и впрямь была неуместной. Цзиньчжи чист душой, он никогда не опустился бы до подлого коварства.

Шэнь Кэ лишь покорно кивал, давясь слезами.

Жалкий вид любимого смягчил гнев государя, и он не стал упрекать его сильнее. Однако взгляд на разлитое целебное снадобье и воспоминание о горьких словах Линь Цзиньчжи охладили его пыл к Шэнь Кэ.

— Отдыхай, — негромко бросил император и поспешно вышел вон.

Судя по направлению, он устремился напрямик во Дворец Вечного Веселья.

Шэнь Кэ долго стоял неподвижно. Затем медленно повернулся и с застывшим, безжизненным лицом наступил на разлитое лекарство, с глухой яростью втирая дорогую жижу подошвой в пол.

— Линь Цзиньчжи, — прошипел он сквозь зубы. — Мы еще посмотрим, кто кого.

Едва Тан Цзю переступил порог Дворца Вечного Веселья, как следом за ним ворвался Янь Юйсюань. Разогнав слуг грозным взмахом руки, он бесцеремонно схватил юношу за локоть.

— Цзиньчжи!

Тан Цзю замер, но оборачиваться не спешил.

Император обхватил его за плечи, заставив повернуться лицом к себе, и виновато вздохнул.

— Прости меня, я виноват перед тобой. Не сердись...

— Я не сержусь, — бесстрастно отозвался Тан Цзю. Голос его звучал глухо и отчужденно, словно выжженный изнутри. — Мне просто горько. Мы знаем друг друга три года. Мне казалось, даже если я вам не мил, вы хотя бы понимаете, кто я такой. Но сегодня мне наглядно доказали: в глазах Вашего Величества я всего лишь жалкий завистник, способный на подлое отравление.

Никто в Поднебесной не смел разговаривать с Сыном Неба в подобном тоне, однако Янь Юйсюань даже не подумал гневаться — лишь сильнее увяз в пучине раскаяния.

Он понимал, что зашел слишком далеко.

Ему и в голову не могло прийти, что Линь Цзиньчжи годами хранил высочайший дар, не решаясь прикоснуться к нему сам, а потом без тени сомнения пожертвовал им ради исцеления Сяо Кэ'эра. И как же низко они поступили! Кэ'эр осыпал его грязными подозрениями, а сам император, ослепленный тревогой за фаворита, с готовностью поверил в эту ложь.

Поистине чудовищная несправедливость.

Как верно подметил Цзиньчжи: неужели за три года он так и не разглядел его сути? Гордый, благородный юноша, никогда не вступавший в дворцовую мышиную возню ради почестей и

власти, — как мог он опуститься до столь гнусного преступления из-за банальной ревности?

Сердце императора сжалось при виде бледного, изнуренного болезнью лица супруга. На этот раз раскаяние было искренним.

— Цзиньчжи, я совершил глупость. Позволь мне загладить вину. Можешь ругать меня, даже ударить — делай что хочешь, только не держи зла, ладно?

Тан Цзю скользнул взглядом по виртуальному экрану: шкала раскаяния поползла до отметки «тридцать». То, что гордый монарх вымаливал прощение в столь уничижительном тоне, уже было великой победой. Если продолжить упрямиться, венценосный пес быстро потеряет терпение. Тан Цзю тихо вздохнул, позволяя холоду в голосе немного растаять.

— Оставьте это. Я лишь прошу Ваше Величество впредь не судить о моих помыслах столь предвзято.

— Клянусь, подобного больше не повторится! — с облегчением выдохнул Янь Юйсюань. Осторожно приобняв Тан Цзю за плечи, он повел его вглубь покоев. — Ты ведь еще слаб. Тебе нужно немедленно лечь в постель.

— Я в порядке, — мягко отстранился Тан Цзю. — Ступайте лучше к Благородному супругу Шэнь.

Император снисходительно улыбнулся.

— Опять скрываешь свои истинные чувства за колкостями. Неужели ты действительно прогоняешь меня?

«Ещё как действительно, — с безразличием подумал Тан Цзю. — От одного твоего присутствия воздух здесь становится затхлым».

Янь Юйсюань истолковал его угрюмое молчание как молчаливое согласие и тепло произнес.

— Знаю, я совсем обделил тебя вниманием в последнее время. Обещаю исправиться. Сегодня у меня нет неотложных дел, так что я никуда не уйду — останусь с тобой.

«Да катись ты к чертям собачьим!»

Грубое ругательство едва не сорвалось с языка, но Тан Цзю вовремя сдержался. Выдавлив из себя подобие вежливой улыбки, он поспешно измыслил новый предлог.

— Мой недуг еще не прошел. Будет ужасно, если я заражу Ваше Величество. Возвращайтесь к себе, прошу вас.

Однако эти слова возымели обратный эффект — лицо императора озарилось счастливой улыбкой.

— Я так и знал! — самодовольно протянул он. — Ты прогоняешь меня лишь потому, что беспокоишься о моем здоровье? Не глупи. Твой супруг крепок телом, какая-то легкая простуда мне не страшна.

Тан Цзю едва не подавился собственной слюной от такой запредельной спеси.

«У этого паршивца что, мозги напрочь высохли? Ну и самовлюбленный индюк!»

Дальнейшие препирательства могли вызвать ненужные подозрения. Не имея иного выхода, Тан Цзю покорно смирился с неизбежным.

— Посплю немного, — мягко шепнул император. — Я буду охранять твой покой.

Тан Цзю промолчал.

Продолжая мысленно костерить государя на чем свет стоит, он забрался под одеяло и зажмурился, надеясь поскорее избавиться от назойливого присутствия. Одолеваемый жаром и слабостью, Тан Цзю не заметил, как тяжелая дрема утянула его в глубокий сон.

Спустя какое-то время сквозь пелену забытья Тан Цзю почувствовал, как чьи-то теплые пальцы ласково массируют ему виски. Он удовлетворенно причмокнул и, ощутив сухость во рту, хрипло пробормотал.

— Пить...

Его бережно приподняли, поддерживая под спину, и поднесли к губам чашку с прохладной водой. Не открывая глаз, Тан Цзю сделал несколько жадных глотков, шумно выдохнул и по привычке обхватил спасителя за талию. Уткнувшись носом в чужую грудь, он сонно заерзал, устраиваясь поудобнее.

— Босс Краб, золото ты мое, а не человек...

Обычно, когда Тан Цзю надирался до беспамятства, именно Старина Се тащил его тушу домой,

переодевал, умывал и силком вливал сладкую медовую воду. Заботился так, как родная мать никогда не заботилась.

Сладко зевнув, Тан Цзю еще крепче сжал объятия, собираясь провалиться обратно в сон, как вдруг в его затуманенном разуме шевельнулось смутное подозрение.

«Я же вроде как... переродился в другом мире».

А значит, никакого Се Линя рядом быть не могло.

«Тогда кто это?»

«Неужели этот венценосный кобель?!»

От этой жуткой догадки Тан Цзю мгновенно протрезвел. Резко распахнув глаза, он уставился на того, кого сжимал мертвой хваткой, точно гигантский спрут.

Перед ним предстало чертовски привлекательное лицо. Заметив ошарашенный взгляд юноши, мужчина негромко рассмеялся и вкрадчиво поинтересовался.

— И что же тебе такое снилось, раз ты так крепко меня сжимаешь?

«Янь Юйчэнь?!»

Тан Цзю больно ущипнул себя за руку, дабы убедиться, что это не бред воспаленного разума. Осознав реальность происходящего, он испуганно отпрянул и подскочил на постели.

— Какого черта ты тут делаешь?!

Янь Юйчэнь осторожно придержал его за затылок, словно боясь, что тот от резкого движения потеряет равновесие.

— До меня дошли слухи о твоём недомогании, — мягко пояснил он. — Вот и решил проведать.

«Проведать?! Да ты в своем уме?! Это же покои императрицы, а не проходной двор!»

Словно прочитав его мысли, князь заговорщически улыбнулся и прижал указательный палец к губам, кивнув в сторону окна.

— Тс-с... Не шуми. Я пробрался тайком, через окно.

Тан Цзю онемел от такой наглости.

<http://bllate.org/book/20582/2115634>